

В. А. Жучков

СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ
РОЛЬ ВЕЩИ В СЕБЕ
В ФИЛОСОФИИ КАНТА

Все три значения понятия «вещь в себе» (объект, субъект и переход между ними), несмотря даже на прямую противоположность друг другу, составляют в системе Канта предмет основного вопроса философии. Кант новатор и в постановке вопроса, и в ответе на него. Ответ этот – агностический, но в смысле не эмпирическом или научном, а в сугубо философском значении этих понятий. Ответ на этот вопрос – как о мире, так и о человеке – бесконечен, как и человеческая свобода творчества.

Alle drei Bedeutungen des Begriffs "Ding an sich" (Objekt, Subjekt und ihre Verbindung), sogar trotz ihrer direkten Gegensätzlichkeit, sind im philosophischen System Kants der Gegenstand der Hauptfrage der Philosophie. Kant ist der Neuerer sowie in der Fragestellung als auch in der Antwort. Diese Antwort ist agnostisch, aber nicht im empirischen oder wissenschaftlichen Sinne, sondern in der spezifisch philosophischen Bedeutung dieser Begriffe. Die Antwort auf diese Frage – nach dem Menschen wie nach der Welt – ist endlos wie die menschliche Schöpfungsfreiheit selbst.

Ключевые слова: вещь в себе, многозначность понятия, основной вопрос философии, связь субъекта и объекта, агностицизм, познание, гуманизм, моральный закон.

Keywords: thing-in-itself, polysemanticism of notion, general question of philosophy, subject-object relation, agnosticism, cognition, humanism, moral law.

Заголовок статьи может вызвать некоторое недоумение: можно ли приписывать столь важное значение понятию, которое, как известно, принадлежит к числу наиболее спорных в кантовской философии и по сей день весьма активно дискутируется в кантоведческой литературе? Считаю, не только можно, но и необходимо, поскольку, на мой взгляд, вопреки известному мнению Якоби, без этого понятия не только нельзя войти в кантовскую систему и в ней оставаться, но и невозможно ее понять, выявить ее смысл и сущность, ее генезис, истоки и цели, мировоззренческую значимость и т.д.

Подобное заявление кажется преувеличением: в самом деле — понятие вещи в себе отличается крайней неопределенностью, обладает не только разными, но и прямо противоположными значениями: у Канта оно выступает и как объективный, реальный мир, и как субъект, человек, его душа, и даже в качестве неких потугсторонних сущностей: Бога, загробного мира, царства моральных, трансцендентных целей и т.д. и т.п. Сомнительным представляется уже само его допущение или способ введения в систему критической философии: анализ априорных способностей субъекта, использование категории причинности (аффицирования) чувственности в качестве источника ощущений и эмпирического содержания опыта (при котором весьма двусмысленным остается даже само различие понятия вещи в себе и предметов опыта), а также его трактовка в качестве необусловленной или свободной причинности воли или практического разума (Kausalität durch Freiheit) как основания морального закона и т.п. Нужно вспомнить также о вещи в себе в качестве понятия ноумена, служащего всего лишь ограничению чувственного познания и сферы возможного опыта. Мы уже не говорим о наделении этого понятия еще одной «дополнительной» функцией в «Критике способности суждения», где оно наряду со значением «сверхчувственного субстрата в нас и вне нас» служит для обозначения необъяснимого и непознаваемого перехода, скачка от сверхчувственного мира к чувственному и т.д.

В силу этих и других причин понятие вещи в себе стало для многих (надеюсь, не самых проникательных) исследователей неким жупелом, своего рода символом агностицизма, субъективного идеализма, обскурантизма и т.д. и т.п. Слава богу, в рамках марксистско-ленинской философии благодаря некоторым высказываниям Ленина (о материалистической стороне учения о вещи в себе, о теоретических источниках марксизма и др.) Кант был частично реабилитирован, что позволило отечественным ученым заниматься исследованием его наследия, публиковать о нем не только «разгромные» статьи, книги и т.п.

Имеется и еще одно обстоятельство, ставящее под сомнение правомерность заголовка данной статьи, а именно активное использование понятий системы и системности в составе самой философии Канта. Начиная с первого издания «Критики...», он постоянно подчеркивал, что его философия есть именно система, некое органическое целое, построенное по догматическому методу, с помощью законосообразного установления принципов, отчетливого определения понятий, испытанности строгости доказательств из верных принципов, и «в высшей степени» систематически, т.е. научно, и т.п. [А XXIII, XXV/В XXXV, XXXVIII и др.]. Аналогичные идеи он настойчиво повторял во всех своих «Критиках...», хотя только в третьей из них — «Критике способности суждения» (возникшей не только заметно позже предыдущих, но и, по его собственному признанию, несколько неожиданно для него самого) он представил полную и окончательную систему своей философии, изобразив ее в таблице всех способностей души и априорных принципов чистого разума [3, с. 144 — 145; 4, с. 942 — 943].

Но именно эта систематика вызвала весьма острую и вполне обоснованную критику у исследователей, которые указывали на ее крайне искусственный, преимущественно внешний, декоративный, а во многом и насильственный характер, в чем, впрочем, легко убедиться уже при беглом знакомстве с текстами «Критик...» и даже с их оглавлением.

Тем не менее вопреки всем этим аргументам я попробую объяснить и обосновать свое мнение относительно систематизирующей роли вещи в

себе в составе философии Канта. Такая ее функция основывается на трех указанных выше ее значениях (как объекта, субъекта и перехода между ними), которые только в совокупности, в своем единстве, и составляют проблемно образующий остов, или костяк, *внутренней* системы критической философии, отнюдь не совпадающей с *внешней* систематикой, действительно весьма искусственной и неадекватной и т.д. (в чем я вполне солидарен с ее критиками).

Для меня три указанных значения вещи в себе четко и однозначно выражают общий состав или содержание так называемого основного вопроса философии, в котором, правда, для меня (как, думается, и для Канта) главным является не пресловутый вопрос о «первичности», а его, если так можно сказать, триединство, т.е. одновременное «присутствие» или данность всех трех составляющих: субъекта, объекта и перехода между ними — своего рода «тройственный союз» вместо монизма и дуализма. Внутренняя система кантовской философии и складывается из этих трех значений вещи в себе, или иначе: эти три ее значения лежат в основе возникновения и существования внутренней системы критической философии, составляют ее звенья, члены, моменты, т.е. выполняют функцию системообразующих факторов.

«Коперниканский переворот», осуществленный Кантом в истории философской мысли, состоял, на мой взгляд, не в отказе от традиционного или «догматического» основного вопроса философии, а в его агностической трактовке, т.е. в указании на непознаваемый характер всех трех составляющих его звеньев (объекта, субъекта и момента перехода между ними). И только благодаря этому указанный вопрос, как мне представляется, и сумел обрести статус вопроса собственно и подлинно философского, т.е. избавиться от тех неадекватных, ему чуждых, заимствованных в обыденном или научном опыте, в мифологических, религиозных, теологических и прочих традициях, в каковых развивалась и существовала вся предшествующая Канту философская мысль. Именно такой смысл, на мой взгляд, Кант и вкладывал в свои многочисленные указания на произведенную им «перемену в способе мышления», посредством которого он рассчитывал «подрезать корни» материализма, идеализма, догматизма, скептицизма, фанатизма, суеверия и т.д. и т.п. [В XX, XXXV и др.].

Здесь у читателя, однако, может возникнуть вполне оправданное недоумение: выходит, что главный вклад Канта в философию состоит всего лишь в ... агностицизме, т.е. сводится к указанию на непознаваемость всего: субъекта и объекта, человека и мира, равно как и их отношения друг к другу? Осмелюсь утверждать, что дело обстоит именно таким образом! Только хочу и должен при этом добавить или попросить и даже потребовать от читателя, чтобы он попристальнее вдумался в эту кантовскую установку.

Не хочу возвращаться к популярным, но ложным трактовкам и оценкам кантовского агностицизма, но хочу еще раз обратить внимание на тот факт, что в данном случае у него речь идет об отрицании познаваемости мира, человека и их отношения не в конкретном, эмпирическом или научном познании, а взятых и понимаемых именно и только или сугубо в философском значении и содержании этих понятий. Строго говоря — это даже не понятия в их «обычном» логическом смысле: это именно философские постулаты или гипотезы, которые человеческий разум вынужден предполагать, выдвигать, признавать и учитывать в своем бесконечном процессе познания мира и себя самого, своего отношения к природе и миру в целом.

Делать этого «обычный» человек вовсе не обязан, как не обязан он становиться и быть философом (хотя таковыми мы все, наверное, время от времени оказываемся и становимся). Но уж если мы волей неволей таковыми или попросту философствующими почему-то стали, то, как говорится, никуда нам не деться от того, чтобы в своем вопрошании не споткнуться, не почувствовать «бездонную пропасть» (кантовское выражение!), нескончаемую незавершенность вопроса, его «упертость» в нечто непостижимое и невыразимое, т.е. оказаться перед некоей бесконечностью, которая, как говорится, «не дает ответа». В этом — весь ужас, но в этом и все величие философской мысли, о которых сам Кант очень ярко и образно написал в Заключении к «Критике практического разума»: «Две вещи наполняют душу всегда новым и тем более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [1, с. 728].

Впрочем, словечко «ужас» я «ввернул» не совсем удачно, а пожалуй, и совсем неудачно. И вот — почему. Ведь у Канта здесь речь идет не только о красоте и величии бесконечного звездного неба, но и о человеке, и в этом состоит глубочайший гуманистический и мировоззренческий смысл всей его философии. Человек как разумное существо бесконечен. Будучи брэнной частью бесконечного мироздания, «животной тварью», он и сам бесконечен в своем невидимом Я, в своей личности, в которой моральный закон, а точнее, лежащая в его основе свобода «открывает мне жизнь, независимую от моей животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира... и которая не ограничена условиями и границами этой жизни» [1, с. 729–731].

Замечу к этому, что речь идет не только и не столько о моральном законе и проблеме бессмертия, речь здесь идет о неисчерпаемости, бесконечности человеческой свободы, умения и способности человека ставить и осуществлять всевозможные цели в процессе постижения и преобразования мира, природы и самого себя, т.е. становиться «титолованным властелином природы», создателем и творцом всей человеческой цивилизации и культуры и т.д. и т.п. [2, с. 699 и др.]. Здесь не место рассматривать кантовскую концепцию культуры, которая венчает все величественное здание кантовской философии, но необходимо еще раз подчеркнуть, что в ее основе лежит его учение о человеческой свободе как способности к бесконечной целеполагающей творческой деятельности.

Именно это, на мой взгляд, и составляет не только пафос, но и проблемное содержание всей системы критической философии, и именно в этом состоит реальный проблемный смысл и системообразующая роль понятия вещи в себе, взятого в неразрывном единстве всех трех его основных значений.

Список литературы

1. Кант И. Критика практического разума. Заключение // Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. М., 1997. Т. 3.
2. Кант И. Критика способности суждения. Приложение: Учение о методе телеологической способности суждения // Там же. М., 2001. Т. 4.
3. Кант И. Критика способности суждения. Введение // Там же.
4. Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Там же.

Об авторе

Жучков Владимир Александрович — д-р филос. наук, проф., ведущий научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН, vzukov@mail.ru